

АЛЕКСАНДР ПРОСТ

ПОЧЕМУ
ТЫ?

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П82

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Художественное оформление серии *Евгении Лукомской*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

FrentaN / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Прост, Александр.

П82 Почему ты? / Александр Прост. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206950-5

Искра между мужчиной и женщиной пробегает всегда непрошено и часто некстати. Легкая, удобная связь становится чем-то большим, превращается из сделки в судьбу. И вот уже герои должны совершить почти невозможное: переделать неправильно начатое, загладить вину, исправить ошибки и забыть обиды. Хватит ли у них страсти и нежности? Справятся ли они? Чем закончится история о прекрасном чувстве, вспыхнувшем не там и не так? Как бы то ни было, цветок, выросший в сточной канаве, так же красив, как возвращенный на лучшей клумбе. Может, даже еще прекрасней. Прекрасней именно оттого, что вырос в канаве.

Книга включает роман «Содержанка», ставший литературной основой нашумевшего фильма «Почему ты?», и рассказы разных лет.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Прост, текст, 2025
© с согласия ООО «Андреевская 5»,
иллюстрация, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206950-5

СОДЕРЖАНКА

Терпевшим меня

1

Андрей Павлович Булыгин вышел из душевой кабины, тщательно вытерся и принялся к себе. Ничем лишним вроде бы не пахло. Он начал неторопливо одеваться. Гостиничная ванная была много просторней разумного. Бессмысленная расточительность к квадратным метрам и прочим ценностям в наше время — единственный способ для богатых почувствовать превосходство над просто обеспеченными.

Начиная с невысокого, в глазах Андрея, достатка, вся разница — в излишествах, дающих крохотную добавку комфорта за многократную цену. Машины побыстрее, место в самолёте покомфортней, ванная в гостинице побольше. Часто деньги берут просто за ощущение избранности и успешности: за марку часов, надпись на рубашке, бирку на пиджаке.

Андрей прислушался к приглушённым голосам и смешкам, доносящимся из комнаты. Слов было не различить, да и не нужно, этот разговор он мог без труда представить во всех подробностях.

Раковина была двойной, как теперь принято, причём в каждой половинке можно было бы комфортно помыть годовалого ребёнка. У Андрея у самого была такая раковина, и даже не одна. В квартире и испанском доме в ваннах, прилегающих к его спальням, и на первом этаже на даче. На даче так вышло в результате длинной и скучной истории.

Андрей посмотрел в зеркало. Красавцем он никогда не был, а с годами растерял и последние крохи милости. Андрею, впрочем, так даже больше нравилось. Собственное лицо казалось ему резким, мужественным и опасным, без соплей и сантиментов. Как раз таким он себя и считал.

Андрей перегнулся через раковину, присматриваясь, не выбился ли волосок из правой ноздри. Нет, показалось.

Именно такой ерундой эта роскошь всегда и оборачивается. Едва ли он с женой пользовался ванной одновременно чаще трёх-четырёх раз в год, а через раковину тянуться приходилось ежедневно. При этом зубы можно почистить одновременно, обойдясь одной небольшой раковиной. Если припомнить, на даче такое случалось. Без труда справлялись они и пятнадцать лет назад в съёмной двушке в Купчино — Нина ещё работала, и он, странно вспомнить, вставал вместе с ней, чтобы помочь с завтраком. Утренние хлопоты оборачивались иногда незапланированным сексом, и он отправлялся строить будущий семейный достаток на голодный желудок.

Когда Андрей вышел из ванной в комнату, девушки замолкли. Та, что посветлей и с грудью побольше,

была, кажется, Алёна, вторую звали Инга. Или наоборот? Андрей задумался, вспоминая. Совершенно точно, с грудью Алёна. Как-то он плохо запоминал современные имена и заменявшие их профессиональные псевдонимы. С Наташами, Танями и Светами ему было проще.

Два длинных шелковистых тела лежали на кровати, наполненные цветущими соками ранней молодости. Девятнадцать и двадцать. Инга постарше. Или наоборот? Девушки были обёрнуты в белые махровые полотенца, которые хотелось сорвать, как фантик с конфеты.

Алёна повернулась на бок и вопросительно улыбнулась замершему на входе в комнату Андрею. Улыбка у неё была обворожительная, она вообще была обаятельной и бойкой, зато Инга оказалась ласковей. Андрей проверил время. Нет, никак.

Он подошёл к туалетному столику и отсчитал восемь пятитысячных. Подумал, не добавить ли сверху, мысленно перещупал подробности вечера и не добавил.

— Спасибо, барышни, — улыбнулся Андрей.

Алёна лёгким, совершенно балетным движением спорхнула с кровати. При этом почти соскользнуло полотенце, она едва успела подхватить его, мелькнув на мгновение ягодкой соска. Движение вышло очаровательным и соблазнительным, пожалуй, даже чересчур очаровательным и соблазнительным для случайного. Заготовленный трюк? Или нет? Вот загадка из тех, что не стоит разгадывать.

Алёна прижалась к нему всем телом и поцеловала мягкими, тёплыми губами. В постели она явно ленилась и теперь старалась показать свою далеко не полную истощённость.

Инга тоже поднялась с кровати и подошла к Андрею, ожидая своего поцелуя. Она была красивей, нежней, искренней и, кажется, даже умней, но с кровати не спархивала и не соскальзывала, а попросту вставала, как делает это обыкновенный молодой и здоровый человек.

— Всё понравилось? — спросила Алёна, пока Андрей обменивался поцелуем с Ингой.

— Просто супер.

— Звоните, если настроение будет.

Последние годы девушки из эскорта часто продолжали держаться на «вы» даже после услуги. Андрей и сам не знал, то ли это мода такая, то ли он вошёл в возраст. Ему, впрочем, скорее, нравилось, была в этом какая-то пикантность.

Обширный гостиничный холл был переполнен кожаной мебелью, огромными зеркалами, деревянными панелями и, главное, множеством светильников из бронзы и хрусталя. Андрей в своё время полностью укомплектовал отель и остался доволен выполненной работой. Глядя на результат, с трудом верилось, как недорого он обошёлся заказчику. Большая часть светильников были произведены скромными фабриками Юго-Восточной Азии, многое сделали на заводе Андрея, и буквально несколько позиций от неплохих европейских брендов, тоже из не самых дорогих. Над клавишами большого

концертного рояля копошилась девица, крохотная, как таракан. Свой незначительный размер она возмещала темпераментной размашистостью движений.

Андрей преодолел две трети холла, когда его окликнули. Он обернулся и едва сдержался, чтобы не выругаться. За низким столиком сидели Малхаз Мгеладзе с Колей Шершовым. Булыгин ничего не имел против мужиков, но встреча была совершенно некстати, выскользнуть от них вежливо и быстро будет почти невозможно. Андрей, конечно, им тоже нужен, но только потому, что с ним удобней, быстрее и надёжней. Просто старый, проверенный партнёр. А вот Булыгин собирался на них хорошо заработать, они были ему нужнее. Намного.

— Здравствуй, дорогой. — Малхаз облапил Андрея.

Прожив тридцать пять лет в Питере, Мгеладзе сохранил привычки батумского детства и всегда демонстрировал преувеличенное и немного комичное, на северный взгляд, дружелюбие.

Коля, не вставая, подал вялую руку. Они с Малхазом стали партнёрами ещё в начале восьмидесятых. За плечами у них были совместная фарцовка, общий срок за валюту, азартные дела девяностых. Теперь у них была эта гостиница, большие государственные подряды и многое, многое другое.

Несмотря на полярное этническое происхождение, Коля и Малхаз с годами сделались похожи. Пузатые подержанные мужчины, много и вкусно пожившие.

— Присядешь на минутку? — Малхаз указал на кресло.

Андрей сел с прямой спиной, не откидываясь на спинку. Куртку положил на колени. Демонстративно посмотрел на часы.

— Торопишься? Мы быстро. — За отвлечённые разговоры в этой паре отвечал Малхаз. — Сам как? Смотрю, зачастил к нам.

Андрей не сомневался, что они лучше его самого знают, зачем он здесь и с кем был. Малхаз его удивил и даже слегка разозлил. В конце концов, Андрей помог пристроить не то прошлую, не то позапрошлую любовницу Мгеладзе помощницей депутата Госдумы, а для нынешней Колиной поделился контактом на юрфаке. Девочка была слишком глупа даже для платного отделения чего угодно на свете, зато было забавно представить её на экзамене, хлопающей одновременно наращёнными ресницами и накачанными губами. Коля всегда любил кукол.

— Кухня у вас тут бесподобная, — сказал он с некоторым вызовом, глядя Малхазу в глаза.

— Кухня у нас да. Не говори. У тебя там... — Малхаз ткнул Булыгину в расстёгнутую пуговицу.

Андрей спокойно улыбнулся и демонстративно неторопливо застегнулся. Если его хотели вывести из равновесия, стоило подойти к делу серьёзней.

— По поставке хотели переговорить. — Коля наконец перешёл к делу. — Очень коротко. По «Паласу». Как раз сейчас обсуждали.

Андрей промычал дружелюбно и заинтересованно.

Коля порылся в бумагах перед собой и отыскал нужный лист. Пока он копался, Андрею мельком продемонстрировали коммерческие предложения с логоти-

нами двух его прямых конкурентов. Мужики вообще тяготели к старой школе переговоров.

— В целом нас всё устраивает, — продолжил Коля. — Неплохое предложение, продуманное, по-настоящему проработанное...

Андрей решил, что устал от церемоний.

— Но?

Коля не смог сдержать широкой улыбки.

— Да. Но. Можем половину на Гонконг пустить?

— На Гонконг? — Андрей замурлыкал песенку, имитируя задумчивость.

Булыгин ждал этого неизбежного разговора и был к нему готов. Формальная цена предложения, как мужики и хотели, превышала фактическую на тридцать процентов. Андрей предлагал выбрать разницу товаром для других их объектов, тех, что они строили себе, а не казне. Булыгин с самого начала не сомневался, что часть они захотят вернуть наличными. Предложение Коли перечислить всего половину на офшорный счёт в Гонконге стало приятной неожиданностью. Андрей надеялся добиться таких условий только в самом лучшем случае и после долгой борьбы.

— Можно, — кивнул он в стиле пропадай-все-пропадом, — сорок процентов.

— По рукам, — быстро сказал Малхаз и протянул руку.

Андрей неловко от поспешности ответил на рукопожатие. Коля посмотрел на партнёра недовольно, тот, как всегда, поторопился. Темперамент.

— Мы тогда свяжемся завтра с твоими.

— Я предупрежу, — кивнул Андрей, вставая.

— Ещё секунду. Тут небольшой вопросик по срокам и этапам. Хочется немного пересмотреть. — Коля решил вернуть хоть что-то.

Андрей со вздохом сел обратно.

Зима последние годы обходила Питер стороной. Стояла уже середина февраля, а снег едва прикрывал газоны на Конногвардейском. Неожиданно захотелось есть. Андрей набрал Нину.

— Уже едешь? — Голос жены звучал нежно, Нина была приучена к поздним возвращениям. — Скоро будешь?

— Минут пятнадцать.

— Голодный?

— Ага, сваргань чего-нибудь.

Ира, соседка по подземному паркингу, опять забралась на линию и даже слегка на его место. Андрей притёр свой BMW X5M вплотную к её водительской двери, чтобы ей пришлось залезать через пассажирскую дверь. Парковочные места были просторными, рассчитанными на пузатые внедорожники зажиточных жильцов; Ира ездила на крохотном Mini, но всё равно умудрялась забраться колесом то на его место, то на место Сергея Степановича. Разговаривать с ней было бесполезно, никакая сила на свете не могла заставить её ни научиться водить машину, ни понять, что это не для неё. Вздорная крашенная блондинка с огромными поддельными сиськами какой-то магией удерживала при себе солидного и немногословного Сергея Степановича. Андрей предпочёл бы звук гвоздя по стеклу

её визгливому, насквозь фальшивому голосу. Двигаясь к лифту, он мстительно заметил свежую вмятину на переднем бампере Mini.

Поворачивая ключ в замочной скважине, Булыгин услышал топот бегущих ножек и почувствовал обычную слабость в груди. Он открыл дверь и, едва успев сделать шаг внутрь, поймал маленькое тело, повисшее у него на шее.

Петя, восьмилетний сын, пошёл в мать. В его ангельском личике не было даже намёка на волчий склад старшего Булыгина. Длинные белокурые локоны очень подходили к правильным чертам, хотя и придавали Пете, по мнению отца, немного пидорский вид. Андрей пока мирился, лет до десяти он готов был потерпеть, раз уж Нине так нравится.

Бабочки порхали в животе, и Андрей знал, что, будь его сын самым корявым уродцем, трепет сделался бы только сильнее.

— Здорово, мужик! Как сам? Чего не спишь?

— Привет! — раздался голос Нины из глубин квартиры. — Через три минуты будет готово.

Жилье Булыгины обустроивали с размахом и навсегда, как и всё, что делал Андрей. Он терпеть не мог компромиссы, годами недоделанные детали, все эти недокупленные диваны, недокрученные крючки и голые лампы вместо неподобранных люстр.

Для своей квартиры он выбрал самый радикальный хайтек, который только смог выдавить из себя дизайнер. Всюду ровные поверхности, блестящие однотонные панели, прямые углы мебели и светильни-

ков. Андрей с презрением относился к обычному предпочтению русских богачей: к помпезности, завиткам и колоннам. Тяга к мусорному барокко казалась ему пошлой и смешной. Толстосумы, выросшие в советском аскетизме, получили представление о роскоши из исторических фильмов и экскурсий по царским дворцам. Там, толкаясь с мальчишками и дёргая девчонок за косички, они между делом на всю жизнь получили один на всех стереотип богатства.

Булыгин так хорошо понял их мечту, что наживал большие деньги, производя и продавая светильники в этом роде. Побольше висюлек, побольше завитушек, не надо бояться, что выйдет чересчур. Для этих чересчур не бывает.

Андрей переоделся в домашние брюки и футболку. По этой части у него были такие же твёрдые правила. Никаких старых треников, футболок с пятнами или, упаси бог, труселей до колен. Андрей и дома носил незаношенную одежду тех же люксовых марок, что и на выход. Мужик или держит себя везде, или он не мужик.

Свет горел только в кухонной зоне, гостиная и уголок с домашним кинотеатром были лишь слегка подсвечены. Обеденный стол купили когда-то с большим размахом, и, кажется, за десять лет места за ним так ни разу и не были заняты полностью. Тогда они планировали не меньше четырёх детей, но у Нины пошли нелады по женской части, пришлось ограничиться двумя. Булыгины, правда, не теряли надежду на хотя бы третьего.

Ужин был уже накрыт. Нина стремилась соперничать сервировкой и стряпней с лучшими ресторана-

ми, где Андрей проводил заметную часть своей жизни. Она вечно ходила на какие-то курсы и мастер-классы, отказывалась от кухарки. Нина вообще сторонилась прислуги, словно стесняясь. Бульгины обходились приходящей домработницей и водителем, занятым к тому же половину времени по делам фирмы. Нина до сих пор заводила странные разговоры. Ей не нравилось, например, что кто-то трогает их нижнее белье и перестилает кровати.

Андрей едва попробовал еду и обвёл глазами стол.

— Солнышко, можно соль? — попросил он.

— Да солёное уже. Ты даже не попробовал.

Нина с силой хлопнула солонкой по стеклянной столешнице. Она считала, и, надо сказать, обоснованно, что муж перебарщивает с солью.

Андрей с аппетитом принялся за салат. Есть хотелось, салат был вкусный, но он немного играл, добавлял жадности, стараясь порадовать Нину. Андрей слегка скосил глаза и убедился, что преуспел.

Петя преодолел путь через гостиную. Каким-то чудом ему удалось проделать это решительно, но шаркая и запинаясь. Он долго с сопением устраивался на стуле, подложив под себя ноги.

— Я больше на танцы ходить не буду, — категорически заявил Петя.

Андрей отложил вилку. Сын, насупившись, глядел в стол. Выражение категорического упрямства Андрею понравилось.

— Это новость. Но сказано по-мужски. Что случилось?